

ВЫШЕ ИДЕИНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

На собраниях писателей и работников издательств

ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ ВЫПОЛНИМ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

В течение двух дней проходило общее собрание писателей столицы Украины. Собрание обсудило ошибки и недостатки в произведениях ряда писателей, в частности работы Союза советских писателей Украины и его печатных органов.

С докладом «О серьезных недостатках в идеологической работе на Украине» выступил секретарь ЦК ВКП(б) тов. К. Литвин.

Влияние «школы» Грушевского не исчерпывается названными работами. То же самое приходится наблюдать и в статьях, в произведениях художественной литературы.

Следует отметить, что в произведениях некоторых украинских литераторов заметна тенденция к уходу от наиболее острых проблем современности, воспоминаниям старину, попытке объяснить явления современности с позиций далекого прошлого.

Участники собрания говорили, что писатель Остап Вишня, который во время войны выступил с удачными фельетонами против украинско-немецких националистов, в последнее время написал произведения, вредные по идеологическому замыслу.

Воспитание молодых писателей, — говорит тов. Перемогинский, — в Союзе писателей никоим образом не должно сводиться к созданию ССП Украины, не стало центром литературного творчества и развертывания большевистской критики среди писателей, говорили тов. Вронько, Талалайский и др.

ЗА ПОДЛИННУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ ПЕРЕД НАРОДОМ

Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» — важнейший документ, указывающий основные направления дальнейшей работы Союза советских писателей, призывающий к подлинной ответственности писателей перед народом, к большевистской идеологии.

Добросовестно перечислив основные ошибки редакции «Звезды» и «Ленинграда», а также правления Союза писателей, тов. Капнина сплюснул без остатка последние задатки повстанческой борьбы с пролетариатом, пролетариатом, пролетариатом, пролетариатом!

Выступивший в прениях И. Брагинский изложил слова из доклада товарища Жданова на общем собрании писателей в Ленинграде. Товарищ Жданов сравнил удачное литературное произведение с выжитым из организма животным.

Когда стрела истекла кровью, Зошенко в тихом уюте сочинил литературный трактат о том, почему ему скучно, копаясь в грязных подробностях своей биографии.

Писатели-коммунисты, выступая на собрании, отмечали плохую постановку партийной работы, пасивность и безразличие коммунистов к жизни Союза писателей, к работе секций.

Свердловск. (От наш. корр.). В Доме культуры и искусства состоялось собрание писателей, журналистов, литературных работников Облгиза и Радиокомитета, посвященное постановлению ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

После доклада развернулись оживленные прения. Докладчик подчеркнул, что украинские писатели работали недостаточно активно и что о советском Урале и его значении изображаемые, не вымышлены: это покаяние вь в нашей советской действительности.

БЛИЖЕ К ЖИЗНИ СТРАНЫ

Минск. (От наш. корр.). На общегородском собрании писателей Минска обсуждалось постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Президиум правления Союза писателей БССР М. Лыньков в своем выступлении слово отделил отнюдь не политическое значение постановления ЦК ВКП(б). Оно целиком и полностью относится и к белорусской литературе, имеющей многие серьезные недостатки.

У нас еще нет, — говорит М. Лыньков, — принципиальной большевистской критики и самокритики. Часто из-за нежелания обидеть писателей пропускались в печать неопознанные, а иногда и негодные произведения.

Воспитуя в прениях М. Климович работу о необходимости оккупировать Украину, способствующую повышению идеологического уровня белорусской литературы.

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград» в Гослитиздате состоялось собрание партийной организации, в котором приняли участие директор Ленинградского отделения Гослитиздата П. Герасимов и его главный редактор С. Горский.

Секретарь парторганизации Гослитиздата А. Котов в своем докладе охарактеризовал работу издательства за последний период.

Ленинградское отделение Гослитиздата подготовило к выпуску сборник произведений Зошенко. Редактор этой книги С. Спасский не сумел критически отнестись к работе и тем самым не справился с возложенной на него ролью редактора.

Не все благополучно и в Московском отделении Гослитиздата. Так, например, известный редактор С. Горский в своей книге американского писателя Флавина «Странствие во мраке» с плохим редакционным подбором, в подготавливаемых к печати сборниках новел советских писателей были включены некоторые рассказы Зошенко.

Сектор современной советской литературы подготовил к выпуску книгу избранных произведений Неры Инбер, в которую первоначально не были включены ее «Ленинградские дневники». Только после того как Вера Инбер получила Сталинскую премию «Ленинградские дневники» вошли в сборник.

В прениях по докладу Д. Дубровини выступили редакторы и работники издательства Б. Лукин, М. Драгостер, Е. Егорова, Ю. Мирзалич и др. Отметив положительные факты, они указали, что в работе издательства было допущено и немало ошибок.

Ленинградские писатели подготовили к изданию «Белорусский альманах», в Белоруссии издается альманах, куда войдут произведения ленинградских писателей. А. Якимович и другие выступавшие указали на некорректный отбор материала для ленинградского альманаха; в него включили переводы безликих стихов Ахматовой, старые стихи И. Садовскаго, написанные в 1920 году.

О необходимости покончить с «принципальными» принципами при отборе материала для журнала говорил К. Капнина. Как редактор журнала «Юность», К. Капнина признал правильными критические замечания по адресу журнала, сделанные в печати и на собраниях писателей.

В прениях принял участие Т. Крюсько, К. Габаревич, Э. Огнецвет, К. Кирьяков, М. Танк, А. Есанов и другие. Собрание высказало Белорусию полную резолюцию, в которой единодушно одобрено историческое постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. и намечено мероприятия, способствующие повышению идеологического уровня белорусской литературы.

Как отмечали выступавшие, немало ошибок было и в работе сектора современной советской литературы. В двух сборниках стихов — Асеева и Сельвинского, подаваемых настоянию авторов, оставлены, наряду с хорошими произведениями, слабые, безличные. В 1945 году был исключен из плана сборник рассказов Зошенко, а в 1946 восстановлен.

После самокритических выступлений редактор издательства тт. Немчинов, Рабинович, Вишняков, Корнева и других слово взял директор издательства тов. Ф. Головенченко, признавший грубейшую ошибку издательства — выпуск сборника рассказов Зошенко и другие более или менее серьезные погрешности, за которые он, как руководитель издательства, несет ответственность в первую очередь.

Гослитиздату следовало бы созвать свой редакционный совет с авторским активом, чтобы обсудить постановление ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах и намечать конкретные мероприятия по улучшению работы издательства в свете указания Центрального Комитета партии. Это до сих пор не сделано.

В резолюции общего собрания подчеркивается, что перед издательством стоят серьезные и еще далеко не решенные задачи в области создания книг на советские, особенно на послевоенные темы, как-то: школьно-бытовые повести, книги о труде, о пятилетке, о новейших достижениях советской науки и техники.

В целях улучшения работы Литгиза решено пересмотреть план издательства и устранить творческие дискуссии и обстоятельные обсуждения рукописей выпускаемых книг.

Соблюдая всеобщее новаторство необходимо перебор двух очерков А. Поповского. В дни Отечественной войны повякля и теория советской медицины, основанной на принципе «сборжения» людей, развали в пух и прах теория немецкой хирургии, основанной на принципе иссечения ран «по Фридриху». Об этой борьбе и победе читателю поможет узнать очерк Поповского. По сути дела эта победа является победой диалектического мышления, материалистического-диалектического отношения к организму и процессам, совершающимся в нем и в окружающей его среде, над механистическим, метафизическим мышлением медиков, мыслящих «по Фридриху».

Этот подход к жизни и к науке и объединяет таких, казалось бы, разных ученых, как Вишневский и Лысенко. Павловский и Вильямс, и многих других. Связь нашей науки с практикой по имя дальнейшего движения человечества, диалектико-материалистическое мировоззрение — не только отличия нашей науки от науки капиталистического общества, но и залог ее побед. К сожалению, в очерках Поповского нет об этом ясно не сказано, и зачастую там, где уже само изложение событий и фактов подводит к этому выводу, автор ограничивается общей фразой.

В ПАРТИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСЛИТИЗДАТА

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград» в Гослитиздате состоялось собрание партийной организации, в котором приняли участие директор Ленинградского отделения Гослитиздата П. Герасимов и его главный редактор С. Горский.

Секретарь парторганизации Гослитиздата А. Котов в своем докладе охарактеризовал работу издательства за последний период.

Ленинградское отделение Гослитиздата подготовило к выпуску сборник произведений Зошенко. Редактор этой книги С. Спасский не сумел критически отнестись к работе и тем самым не справился с возложенной на него ролью редактора.

Не все благополучно и в Московском отделении Гослитиздата. Так, например, известный редактор С. Горский в своей книге американского писателя Флавина «Странствие во мраке» с плохим редакционным подбором, в подготавливаемых к печати сборниках новел советских писателей были включены некоторые рассказы Зошенко.

Сектор современной советской литературы подготовил к выпуску книгу избранных произведений Неры Инбер, в которую первоначально не были включены ее «Ленинградские дневники». Только после того как Вера Инбер получила Сталинскую премию «Ленинградские дневники» вошли в сборник.

В прениях по докладу Д. Дубровини выступили редакторы и работники издательства Б. Лукин, М. Драгостер, Е. Егорова, Ю. Мирзалич и др. Отметив положительные факты, они указали, что в работе издательства было допущено и немало ошибок.

Соблюдая всеобщее новаторство необходимо перебор двух очерков А. Поповского. В дни Отечественной войны повякля и теория советской медицины, основанной на принципе «сборжения» людей, развали в пух и прах теория немецкой хирургии, основанной на принципе иссечения ран «по Фридриху». Об этой борьбе и победе читателю поможет узнать очерк Поповского. По сути дела эта победа является победой диалектического мышления, материалистического-диалектического отношения к организму и процессам, совершающимся в нем и в окружающей его среде, над механистическим, метафизическим мышлением медиков, мыслящих «по Фридриху».

Этот подход к жизни и к науке и объединяет таких, казалось бы, разных ученых, как Вишневский и Лысенко. Павловский и Вильямс, и многих других. Связь нашей науки с практикой по имя дальнейшего движения человечества, диалектико-материалистическое мировоззрение — не только отличия нашей науки от науки капиталистического общества, но и залог ее побед. К сожалению, в очерках Поповского нет об этом ясно не сказано, и зачастую там, где уже само изложение событий и фактов подводит к этому выводу, автор ограничивается общей фразой.

СОЗДАДИМ КНИГУ О СОВЕТСКОМ УРАЛЕ

Свердловск. (От наш. корр.). В Доме культуры и искусства состоялось собрание писателей, журналистов, литературных работников Облгиза и Радиокомитета, посвященное постановлению ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

После доклада развернулись оживленные прения. Докладчик подчеркнул, что украинские писатели работали недостаточно активно и что о советском Урале и его значении изображаемые, не вымышлены: это покаяние вь в нашей советской действительности.

Хорошо говорит Поповский о целесообразности работы Павловского, об отдалении его школы от других.

«Бактериология в мечтах уже видела то время, когда на каждого возбудителя будет вакцина или бактерифаг. Человек представлялся им резервуаром, куда природа со своей стороны вводит микробы, а человек, с другой, — защитные вакцины. Игра спасительных и губительных сил протекает в самом организме».

Учение о переносчиках... основывает свои принципы на другом... зоологи стремятся бороться за человека вести его, за пределами его организма.

«Нас занимает циркуляция микроба в природе, — заявляет Павловский, — откуда он приходит и где обитает между эпидемиями. Удар, который мы готовим ему, должен прийти по месту его размножения, по резервуару природы в недрах ее».

Второго очерка имел дело только с людьми, требовавшими вмешательства хирурга.

Но в этих двух очерках есть внутреннее единство. Это творческое творение героев, их бесстрашие и трудное, смелое благородство в борьбе против страданий и болезней, их высокий патристический, стоящая на высоте патристический, достигнутым — залог непрерывного роста.

В очерке «Вдохновенные искатели» А. Поповский рассказывает о том, каким сложным путем было открыто, что клещ является переносчиком возвратного тифа, что москиты — переносчики денгизки, особого вида лихорадки, и какие животные являются резервуаром микробов, возбуждающих эти болезни.

А. Поповский рассказывает о том, каким сложным путем было открыто, что клещ является переносчиком возвратного тифа, что москиты — переносчики денгизки, особого вида лихорадки, и какие животные являются резервуаром микробов, возбуждающих эти болезни.

Автор этих строк может засвидетельствовать, что это открытие в очень короткий срок стало достоянием каждого красноармейца в Приморье и спасло жизни сотням тысяч людей. Ведь некоторые из них в 1945 г. перед началом выступления на маньчжурскую японскую армию находились в той тайге, где виднелось и дождь, и туман, и дождь, и туман, и дождь, и туман.

Почти все главы книги написаны живо и часто по увлекательности соперничая с хорошей приключенческой повестью, имея то преимущество перед нею, что герои ее — подлинные люди, а события, в

ГЕНАДИЙ ФИШ Вдохновенные искатели

На одном из последних заседаний Междупартийного норвежского трибунала было раскрыто еще одно задушевное фактами величайшее преступление. Немские ученые в своих лабораториях и специальных институтах, в бактериологическом институте в Бакке, производили всю войну, собираясь обрушить на Восточную Европу, на Советский Союз. Это неслыханное преступление гитлеровских ученых против человечества было предотвращено быстрым и победоносным наступлением Красной Армии, захватившей и уничтожившей созданный гитлеровской наукой бактериологический институт. И если бы не показание самих участников и свидетелей заговора, то все это могло бы показаться просто безразлично злой фантазией. Однако это не вымысел, а факт, который еще раз свидетельствует о том, как судорожно цепляющийся за свое существование зарождающийся капитализм подкапывает деятельность ученых своим людоедским планам.

Когда мы думаем о людях советской науки, людей, работающих в области бактериологии и паразитологии, как светлые, постоянные творческие, жизнеутверждающие образы встают перед нами!

Известно, что задолго до войны работавшим в Старопопской противотифозной станции Магдалина Петровна Покровская и Иосиф Солмонович Эрлих изобрели еще вакцину чумы. Перед экспериментом ученый написал записку:

«Состояние моего здоровья мало чем отличается от состояния тысяч людей в моем возрасте (47 лет). Поэтому особенной заботы не испытываю, как решительное обязательство перед наукой и человечеством. Возможно, процесс этот, который возмужает на пользу коммунистической России, я считая таким счастьем, что откажусь от него, какой бы риск это ни представляло, я ни в коем случае не хочу».

Этот эпизод поистине типичен для большинства советских ученых-бактериологов, которые на полях, в лесах, в пустынях и в лабораториях ведут интересней-

Вдохновенные искатели

шую работу и уже совершили ряд крупных открытий в самой основе своей предельно гуманных. К сожалению, о работе их, за исключением специалистов, мало кто знает.

Вот почему мы должны приветствовать появление каждой книги, которая не только популяризирует итоги, выводы, сделанные исследователями, но и рассказывает о самом процессе исследования, о том, как, ошибаясь, освобождаясь от ошибок, находя правильное решение, идет пытливая мысль исследователя.

Сообщая много новых и интересных фактов, такая книга не несет своей главной ценности только суммой содержащихся в ней сведений. Показывая борьбу ученого, делающего читателя как бы соучастником этой борьбы, она помогает воспитанию характера и дает молодежи образцы поведения. В той или иной степени все эти качества присущи выпущенной издательством «Советский писатель» книге Александра Поповского «Вдохновенные искатели». Автору пришлось проделать немало работы, изучая трудный и разнообразный материал, зачастую еще не опубликованный.

В этой книге заключены два, по сути, самостоятельных очерка на две разные темы, — каждая со своим крутом идей, своей спецификой и историей. Первый очерк «Вдохновенные искатели» посвящен крупнейшему ученому в области паразитологии и бактериологии, автору теории природной опасности, академику Е. Н. Павловскому и руководимой им группе исследователей (Петрищевой, Латышеву, Крюковой, Гузенчуку, Скрыннику, Рыкову, Мошадскому и др.). Второй очерк — «Война человека» рассказывает о творческом пути человека, заслужившего почетное звание «Советский писатель» книги Александра Поповского «Вдохновенные искатели». Автору пришлось проделать немало работы, изучая трудный и разнообразный материал, зачастую еще не опубликованный.

В этой книге заключены два, по сути, самостоятельных очерка на две разные темы, — каждая со своим крутом идей, своей спецификой и историей. Первый очерк «Вдохновенные искатели» посвящен крупнейшему ученому в области паразитологии и бактериологии, автору теории природной опасности, академику Е. Н. Павловскому и руководимой им группе исследователей (Петрищевой, Латышеву, Крюковой, Гузенчуку, Скрыннику, Рыкову, Мошадскому и др.). Второй очерк — «Война человека» рассказывает о творческом пути человека, заслужившего почетное звание «Советский писатель» книги Александра Поповского «Вдохновенные искатели». Автору пришлось проделать немало работы, изучая трудный и разнообразный материал, зачастую еще не опубликованный.

«Сибирские огни» были когда-то одним из лучших областных журналов. Естественно, что возобновление выхода этого журнала в 1946 году было встречено читающей публикой с большим интересом.

Первый номер «Сибирских огней» открывает редакция Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы, где сказано:

«Итак, как нужно понимать нашу победу над врагами, что может означать эта победа с точки зрения состояния и развития внутренних сил нашей страны?»

Наша победа означает, прежде всего, что победили наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность».

Выполняя, которые дозволено сделать из этих слов, писателю, казалось бы, совершенно ясно. Посмотрим же, как выглядит с этой точки зрения литературно-художественный отдел журнала, помещенного в своем политическом отделе речь И. В. Сталина.

«Возьмем, впечатанную в первом номере главы из повести И. Шухова, озаглавленную «Накануне». На первый взгляд, все здесь благополучно. Все действующие в повести лица — как будто представители советского строя. Старик-колхозник Алексей Петрович Шувалов; его сын Митя, комбайнер-комсомолец; невеста Митины, девушка-аромом Нелли тоже комсомолка. Но это лишь названия. На самом деле И. Шухов, не затрагивая себя хотя бы изобретением сколько-нибудь новых вышедших приемов, по старым эпическим образам рисует коммюнистический быт, со всеми его доморощенными фламандизмами. Стоит прочесть описание помолвки комбайнера-комсомольца с комсомольской-аромомом, то-есть передовых сельских интеллигентом: «Над штабелями кривых вездеходов поднимались вороха воздушного хвоста. Золотые туши гусей и бронзовые ороков, логные и потрескивая от жары, лежали на цинковых, расписанных розами блядах, и дымыли, настежь распахнутые перед гостями, туги набитый серебряными карасями, уснащенный лавровым листом и рисом, горячий пирог. Остро пахло укропом, хреном, уксусом и анисом. Тесна, извлеченные из подземелья соевых гряд, вставали, как силосные башины, посреди протертой и сметане редиски в окружении бесчисленных ваз, блюд и сахарниц с солиной, сливками и пряниками. И над всей этой пропосаженной в масле снетью и перемолотой в сахар снетью вставали желтые запыленные на погребках четвертные бутылки водки. С гулом, совмещенным тихой рождевой палубе, вылетали из жбанов с пивом туши, заданные вром пробки, и белая накипь хмеля хлопотала в тяжелых флюидных чашках, тяжело колебавшихся в шатких руках друзей и свахи».

Такова «буффония» этой «комсомольской» помолвки. Всякому читающему человеку бросается в глаза, с каких (всегда недоброкачественных) образов она сплелась. Но обратимся к изображению людей на этой помолвке.

«А минуту спустя ничего уже нельзя было распознать в ихтре всеобщей пляски. В радужном сиянии стремительно кружащейся в глазах красной карусели порхали белые фантики и пуповины, как лапы, бабы подолы. Все слилось и смешалось в бешеном ритме пляски: кашемирные подолы, кружевные пелерны, ситцев, бисер и чешуца. Бесстыже скала в медовой улыбке сахарно-белые зубы, свахи, беснуясь и визгливая, наседали на крутящихся заводички волками танцоров. Все в поту, — да духоты и в хмельном дурмане, худом кружившаяся в восторженных изумлении под бешеной пляске, в бешеной подолы. И было похвалю, что бычок осантанение от удель и пляски свахи, так и норолыми смеет к нортовой матерн с круга своими разбушеванными подолыми этих уже близких к обмороку гласунов, потерявших самих себя в этой гулянке».

«Смалывая Павочка Ситникова неожиданно брызнула слезы в обмороч. Но ее тут же погнали в чуство, сунув ей в ноздри по шепотке такого злого хмеля, что нормальные люди на мигове не теряли сознание. Затем свалил с круга свек хвятица для бодроты рюмки, перловки и, поминувшись рядом с баянником, поднимаясь с его то, ни с чего так громко икать у него под ухом, что разбудила полусонящего за самозабвенной игрой гармониста. Несмотря на то на минуту не спускавшего с нее глаз белоговерного ее супруга — колхозного бригадира Михея Ситникова, распоясавшаяся Павочка бесстыже переминивалась с баянником. Она везчески выманывала Сашку на улицу и, судя по попомочу блеску фаянсовых ее глаз, судила ему много лишнего, даже и без всякой причины».

Вот и бесстыжие улыбки, порочные глаза, пиканте, рык, икота, пыльная отрыжка — все это должно изображать советскую, колхозную деревню... в донь Наполеона Гемпани на Советский Союз. 22 июня 1941 года. В разгар бестияного вестья появляется верховой, прививший осантанение о войне. Судя по названию непонятных глав «Мирные» и по общему заглавию повести «История», из-то полагают, что эта картина «мирной» советской жизни является вступлением к изображению Отечественной войны, а персонажи — будущими героями этой войны. Конечно ли? Конечно нет. Это изображение навеяно советской действительностью? Ведь в совершенно таком же какспас, с той же бездарной «эпичностью» и «фламандизмом» когда-то писовала антисоветская литература «патриоты» из анненков».

В романе Федора Олесева, еще не до конца опубликованном, в двух первых книжках журнала речь идет о помолвке на войне, рабочем-стационаре Мити Безродного. В прошлом он — беспроходный, воспитанник и член группы «Красный рабочий». И в этом романе читатель напрасно стал бы искать реалистического отнесения к жизни советской действительности, той действительности, которая породила массовый героизм «Отечественной войны». Вместо живых людей, живых советских рабочих и интеллигентов мы видим коллекцию страшных существ, уместных неважно, но зато одержимых какието-неизвестными, несмысленными страстями. В сущности, Ф. Олесов изображает рабочую уральскую среду, как если бы описывал никому не известных, впервые им открытые диаволы».

Вот пример, старая работница рассказывает дочери, как любила ее покойный муж, тоже рабочий: «Ты же родила на седьмую осень. В Покров. Детей никому не хотел. Скажет, было, упали тебя бог, Наташа. Лите меня безодлит твоими ласками. Зубами скредежало. Мольбою молила, угрозами угрожает: любовь пополам разделится; больше, кинит, больше позвонишь увидишь любовь, а она мне вся нужна. Жадный я, слышишь? Обормотнич, что востокит зарплате отдохнуть. Так и так. Больше ни не поспать. Сидит и так темный, а тут совсем потемнеет. Пытал меня: «х, Наташа, куда же нем с тобой релити, куда? Скажи мне, признайся откровенно. Три года я тебя добывал, весь мой интерес в жизни сложился в тебе одной. Налюбуйся не могу. Мало мне. Надо, говорит, тебя от людей спрячь. Они же злые!»

Таково старшее поколение. Дочь, которая высунувает эти признания матери, в своих чувствах весьма приближается к изображенным выше чувствам. Об этом свидетельствует ее поведение перед представлением ее родителям. Представление же родителям с ее стороны происходит от Мити Безродного: «Митя сегодня. (Из-за того, что Серфимина не хочет перейти с электроваза в шахту, чтобы быть с ним вместе. — Е. У.)»

«Интересно, что бы ты стала делать со своим парнишком электровазом, — едко спрашивает Митя. — Что бы ты стала делать, если бы мы, навалотобойщики, не нарубали для тебя угля. Сидела бы ты на ящике!»

«Да ну, — говорит Серафима, с пренебрежительной вздернутой плечами. — А что бы ты стала делать, если бы я, своим замечательным электровазом не доставляла твой поганый уголь на рудничный двор?»

«Мой уголь — поганый? — Митя раздувал ноздри. — Факт. И так далее, до бесконечности. Можно подумать, что разговорчат не передовые рабочие, а какие-то марксисты, изобретательные и нейтральные дети».

«Спорили они часто? — говорит автор, пришедший в разговор. И дает еще один образ «спор»: «Иногда Серафима принималась идуть утверждать самые неперепятые вещи. — А сейчас — ночь, — тупо говорила она, хотя на земле был день. И они снова спорили».

Видимо, считая, что этих споров дефицитных переростков недостаточны, чтобы вскрыть всю соринчатость внутрисемейного мира героя, автор приводит еще его мечты. Не углубляя их анализом, скажем, что мечты эти, как бы задержанные в воздухе, не имеют ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

Плывет бригантина. Поскрипывает снасти. «В зеленые паруса туги надуть ветром. Что же ищут в голубую трубу старый шкипер Ягс Тебриди? Мысли его текли равнодушно и вяло. Все там, по правому борту, точно бы выдвигались из моря пологий берег. В голубую трубу отчетливо различимы березки, пальмы, рябина, киктусы, баобабы! Березки шкипер не ошибается, это Мартиника. Знакомая, дорогая сердцу Ягс страна!»

И видит старый шкипер, заслуженный морской волк, четырехэтажный лифт. Это школа. Она не возмущает его, а только вызывает его, как бы задержанные в воздухе, не имеющие ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

Плывет бригантина. Поскрипывает снасти. «В зеленые паруса туги надуть ветром. Что же ищут в голубую трубу старый шкипер Ягс Тебриди? Мысли его текли равнодушно и вяло. Все там, по правому борту, точно бы выдвигались из моря пологий берег. В голубую трубу отчетливо различимы березки, пальмы, рябина, киктусы, баобабы! Березки шкипер не ошибается, это Мартиника. Знакомая, дорогая сердцу Ягс страна!»

И видит старый шкипер, заслуженный морской волк, четырехэтажный лифт. Это школа. Она не возмущает его, а только вызывает его, как бы задержанные в воздухе, не имеющие ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

Плывет бригантина. Поскрипывает снасти. «В зеленые паруса туги надуть ветром. Что же ищут в голубую трубу старый шкипер Ягс Тебриди? Мысли его текли равнодушно и вяло. Все там, по правому борту, точно бы выдвигались из моря пологий берег. В голубую трубу отчетливо различимы березки, пальмы, рябина, киктусы, баобабы! Березки шкипер не ошибается, это Мартиника. Знакомая, дорогая сердцу Ягс страна!»

И видит старый шкипер, заслуженный морской волк, четырехэтажный лифт. Это школа. Она не возмущает его, а только вызывает его, как бы задержанные в воздухе, не имеющие ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

Плывет бригантина. Поскрипывает снасти. «В зеленые паруса туги надуть ветром. Что же ищут в голубую трубу старый шкипер Ягс Тебриди? Мысли его текли равнодушно и вяло. Все там, по правому борту, точно бы выдвигались из моря пологий берег. В голубую трубу отчетливо различимы березки, пальмы, рябина, киктусы, баобабы! Березки шкипер не ошибается, это Мартиника. Знакомая, дорогая сердцу Ягс страна!»

«Сибирские огни» были когда-то одним из лучших областных журналов. Естественно, что возобновление выхода этого журнала в 1946 году было встречено читающей публикой с большим интересом.

Первый номер «Сибирских огней» открывает редакция Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы, где сказано:

«Итак, как нужно понимать нашу победу над врагами, что может означать эта победа с точки зрения состояния и развития внутренних сил нашей страны?»

Наша победа означает, прежде всего, что победили наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность».

Выполняя, которые дозволено сделать из этих слов, писателю, казалось бы, совершенно ясно. Посмотрим же, как выглядит с этой точки зрения литературно-художественный отдел журнала, помещенного в своем политическом отделе речь И. В. Сталина.

«Возьмем, впечатанную в первом номере главы из повести И. Шухова, озаглавленную «Накануне». На первый взгляд, все здесь благополучно. Все действующие в повести лица — как будто представители советского строя. Старик-колхозник Алексей Петрович Шувалов; его сын Митя, комбайнер-комсомолец; невеста Митины, девушка-аромом Нелли тоже комсомолка. Но это лишь названия. На самом деле И. Шухов, не затрагивая себя хотя бы изобретением сколько-нибудь новых вышедших приемов, по старым эпическим образам рисует коммюнистический быт, со всеми его доморощенными фламандизмами. Стоит прочесть описание помолвки комбайнера-комсомольца с комсомольской-аромомом, то-есть передовых сельских интеллигентом: «Над штабелями кривых вездеходов поднимались вороха воздушного хвоста. Золотые туши гусей и бронзовые ороков, логные и потрескивая от жары, лежали на цинковых, расписанных розами блядах, и дымыли, настежь распахнутые перед гостями, туги набитый серебряными карасями, уснащенный лавровым листом и рисом, горячий пирог. Остро пахло укропом, хреном, уксусом и анисом. Тесна, извлеченные из подземелья соевых гряд, вставали, как силосные башины, посреди протертой и сметане редиски в окружении бесчисленных ваз, блюд и сахарниц с солиной, сливками и пряниками. И над всей этой пропосаженной в масле снетью и перемолотой в сахар снетью вставали желтые запыленные на погребках четвертные бутылки водки. С гулом, совмещенным тихой рождевой палубе, вылетали из жбанов с пивом туши, заданные вром пробки, и белая накипь хмеля хлопотала в тяжелых флюидных чашках, тяжело колебавшихся в шатких руках друзей и свахи».

Такова «буффония» этой «комсомольской» помолвки. Всякому читающему человеку бросается в глаза, с каких (всегда недоброкачественных) образов она сплелась. Но обратимся к изображению людей на этой помолвке.

«А минуту спустя ничего уже нельзя было распознать в ихтре всеобщей пляски. В радужном сиянии стремительно кружащейся в глазах красной карусели порхали белые фантики и пуповины, как лапы, бабы подолы. Все слилось и смешалось в бешеном ритме пляски: кашемирные подолы, кружевные пелерны, ситцев, бисер и чешуца. Бесстыже скала в медовой улыбке сахарно-белые зубы, свахи, беснуясь и визгливая, наседали на крутящихся заводички волками танцоров. Все в поту, — да духоты и в хмельном дурмане, худом кружившаяся в восторженных изумлении под бешеной пляске, в бешеной подолы. И было похвалю, что бычок осантанение от удель и пляски свахи, так и норолыми смеет к нортовой матерн с круга своими разбушеванными подолыми этих уже близких к обмороку гласунов, потерявших самих себя в этой гулянке».

«Смалывая Павочка Ситникова неожиданно брызнула слезы в обмороч. Но ее тут же погнали в чуство, сунув ей в ноздри по шепотке такого злого хмеля, что нормальные люди на мигове не теряли сознание. Затем свалил с круга свек хвятица для бодроты рюмки, перловки и, поминувшись рядом с баянником, поднимаясь с его то, ни с чего так громко икать у него под ухом, что разбудила полусонящего за самозабвенной игрой гармониста. Несмотря на то на минуту не спускавшего с нее глаз белоговерного ее супруга — колхозного бригадира Михея Ситникова, распоясавшаяся Павочка бесстыже переминивалась с баянником. Она везчески выманывала Сашку на улицу и, судя по попомочу блеску фаянсовых ее глаз, судила ему много лишнего, даже и без всякой причины».

Вот и бесстыжие улыбки, порочные глаза, пиканте, рык, икота, пыльная отрыжка — все это должно изображать советскую, колхозную деревню... в донь Наполеона Гемпани на Советский Союз. 22 июня 1941 года. В разгар бестияного вестья появляется верховой, прививший осантанение о войне. Судя по названию непонятных глав «Мирные» и по общему заглавию повести «История», из-то полагают, что эта картина «мирной» советской жизни является вступлением к изображению Отечественной войны, а персонажи — будущими героями этой войны. Конечно ли? Конечно нет. Это изображение навеяно советской действительностью? Ведь в совершенно таком же какспас, с той же бездарной «эпичностью» и «фламандизмом» когда-то писовала антисоветская литература «патриоты» из анненков».

В романе Федора Олесева, еще не до конца опубликованном, в двух первых книжках журнала речь идет о помолвке на войне, рабочем-стационаре Мити Безродного. В прошлом он — беспроходный, воспитанник и член группы «Красный рабочий». И в этом романе читатель напрасно стал бы искать реалистического отнесения к жизни советской действительности, той действительности, которая породила массовый героизм «Отечественной войны». Вместо живых людей, живых советских рабочих и интеллигентов мы видим коллекцию страшных существ, уместных неважно, но зато одержимых какието-неизвестными, несмысленными страстями. В сущности, Ф. Олесов изображает рабочую уральскую среду, как если бы описывал никому не известных, впервые им открытые диаволы».

Вот пример, старая работница рассказывает дочери, как любила ее покойный муж, тоже рабочий: «Ты же родила на седьмую осень. В Покров. Детей никому не хотел. Скажет, было, упали тебя бог, Наташа. Лите меня безодлит твоими ласками. Зубами скредежало. Мольбою молила, угрозами угрожает: любовь пополам разделится; больше, кинит, больше позвонишь увидишь любовь, а она мне вся нужна. Жадный я, слышишь? Обормотнич, что востокит зарплате отдохнуть. Так и так. Больше ни не поспать. Сидит и так темный, а тут совсем потемнеет. Пытал меня: «х, Наташа, куда же нем с тобой релити, куда? Скажи мне, признайся откровенно. Три года я тебя добывал, весь мой интерес в жизни сложился в тебе одной. Налюбуйся не могу. Мало мне. Надо, говорит, тебя от людей спрячь. Они же злые!»

Таково старшее поколение. Дочь, которая высунувает эти признания матери, в своих чувствах весьма приближается к изображенным выше чувствам. Об этом свидетельствует ее поведение перед представлением ее родителям. Представление же родителям с ее стороны происходит от Мити Безродного: «Митя сегодня. (Из-за того, что Серфимина не хочет перейти с электроваза в шахту, чтобы быть с ним вместе. — Е. У.)»

«Интересно, что бы ты стала делать со своим парнишком электровазом, — едко спрашивает Митя. — Что бы ты стала делать, если бы мы, навалотобойщики, не нарубали для тебя угля. Сидела бы ты на ящике!»

«Да ну, — говорит Серафима, с пренебрежительной вздернутой плечами. — А что бы ты стала делать, если бы я, своим замечательным электровазом не доставляла твой поганый уголь на рудничный двор?»

«Мой уголь — поганый? — Митя раздувал ноздри. — Факт. И так далее, до бесконечности. Можно подумать, что разговорчат не передовые рабочие, а какие-то марксисты, изобретательные и нейтральные дети».

«Спорили они часто? — говорит автор, пришедший в разговор. И дает еще один образ «спор»: «Иногда Серафима принималась идуть утверждать самые неперепятые вещи. — А сейчас — ночь, — тупо говорила она, хотя на земле был день. И они снова спорили».

Видимо, считая, что этих споров дефицитных переростков недостаточны, чтобы вскрыть всю соринчатость внутрисемейного мира героя, автор приводит еще его мечты. Не углубляя их анализом, скажем, что мечты эти, как бы задержанные в воздухе, не имеют ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

Плывет бригантина. Поскрипывает снасти. «В зеленые паруса туги надуть ветром. Что же ищут в голубую трубу старый шкипер Ягс Тебриди? Мысли его текли равнодушно и вяло. Все там, по правому борту, точно бы выдвигались из моря пологий берег. В голубую трубу отчетливо различимы березки, пальмы, рябина, киктусы, баобабы! Березки шкипер не ошибается, это Мартиника. Знакомая, дорогая сердцу Ягс страна!»

И видит старый шкипер, заслуженный морской волк, четырехэтажный лифт. Это школа. Она не возмущает его, а только вызывает его, как бы задержанные в воздухе, не имеющие ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

Плывет бригантина. Поскрипывает снасти. «В зеленые паруса туги надуть ветром. Что же ищут в голубую трубу старый шкипер Ягс Тебриди? Мысли его текли равнодушно и вяло. Все там, по правому борту, точно бы выдвигались из моря пологий берег. В голубую трубу отчетливо различимы березки, пальмы, рябина, киктусы, баобабы! Березки шкипер не ошибается, это Мартиника. Знакомая, дорогая сердцу Ягс страна!»

И видит старый шкипер, заслуженный морской волк, четырехэтажный лифт. Это школа. Она не возмущает его, а только вызывает его, как бы задержанные в воздухе, не имеющие ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

Плывет бригантина. Поскрипывает снасти. «В зеленые паруса туги надуть ветром. Что же ищут в голубую трубу старый шкипер Ягс Тебриди? Мысли его текли равнодушно и вяло. Все там, по правому борту, точно бы выдвигались из моря пологий берег. В голубую трубу отчетливо различимы березки, пальмы, рябина, киктусы, баобабы! Березки шкипер не ошибается, это Мартиника. Знакомая, дорогая сердцу Ягс страна!»

И видит старый шкипер, заслуженный морской волк, четырехэтажный лифт. Это школа. Она не возмущает его, а только вызывает его, как бы задержанные в воздухе, не имеющие ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

Плывет бригантина. Поскрипывает снасти. «В зеленые паруса туги надуть ветром. Что же ищут в голубую трубу старый шкипер Ягс Тебриди? Мысли его текли равнодушно и вяло. Все там, по правому борту, точно бы выдвигались из моря пологий берег. В голубую трубу отчетливо различимы березки, пальмы, рябина, киктусы, баобабы! Березки шкипер не ошибается, это Мартиника. Знакомая, дорогая сердцу Ягс страна!»

И видит старый шкипер, заслуженный морской волк, четырехэтажный лифт. Это школа. Она не возмущает его, а только вызывает его, как бы задержанные в воздухе, не имеющие ни какой-либо связи с действительностью. По черным автор, эти мечты и заставили его пойти во флот и погубить там героическую смертью за родину: «Митя бродил по острову пригородный, сбывая палкой цветы и ветви кукурузы, оставаясь перед обидком, дожилая в траву и глядя на далеком небо, на припухлые, закаты обожженные облака; на серп и молот. Тогда казалось, что островок стремительно несется вперед, что он вовсе и не островок, а шхуна, баркас, бригантина...»

В. В. МАЙКОВСКИЙ (Музей В. В. Маяковского).

Венгерский писатель Д. Радо подарил Библиотеке-Музею В. В. Маяковского свой перевод поэмы «Владимир Ильич Ленин», изданной в 1946 г. в Будапеште. На книге — дарственная надпись: «Музею Маяковского с дружественными чувствами и с большим восхищением великим русским поэтом». Это первое издание Маяковского в Венгрии. На снимке: обложка книги.

Возвеличенный обыватель

«Опытная секретарша» Катя вернулась из эвакуации в Ленинград. Война еще продолжалась, но блокада уже была снята, и жители с энтузиазмом взялись за восстановление своего города.

Катя «так мечтала о Ленинграде, так ждала вызова, ехала — ног под собой не чувствовала, а пришла! — один неприятный момент, место ее в старой службе занято исподтишком, она все время думает одно, а го-во-рит и делает другое».

Катю навещает ее старый друг и поклонник, теперь он инкассатор Отечественной войны — Саша. Он хочет оговорить ее от тяжелой работы. «Катя обрадовалась, Нелли она все время про себя не вернула, достоинство провинциальное, к тому, что она была работать малором. Так Катя думает, а встух она провозит выспр-енную речь о восстановлении Ленинграда. «Когда он ушел, она с ужасом поняла, что безвозвратно потеряла последнюю возможность отметить завтрашний день, со-ставленным в половине шестого, с комбина-цией».

«Если верить повести, то Ленинград про-стовети всей нашей стране, и только люди, пережившие блокаду, по-настоящему любят свой город, только они способны, не разгибая спины, залечивать его раны. «Эвакуи» — так презрительно называют приезжие старосты лишь бы отделиться от «блокады» — только Ленинградский мещанин Колька Катя полюбила себя на том, что сказала он ваял, как-будто Ленинград уже не был таким же своим для нее... Но Колька принял это как должное».

Ленинградцы стали теперь незваными Катю, она не может разделить их работ, их волнения. «Боже, какие хорошие и правдивые люди!» — подумала Катя и раз-ревелась, потому что не чувствовала себя ни хорошей, ни правильной, и чувство-ствие и скуки овладело ею среди такой правдивости».

В изображении Катинской все ленин-градцы — на один лад. В них нет ни одной живой черты. Это схема. Но Ленинградцы, кстати, мало интересуют Катинскую, ибо все свое внимание она сосредоточила на мещанин-переживавших голодом, эгоистичной мещанинкой Катю.

Катя хочет углубиться от трудового фронта, она пытается консультировать началь-ных китри и конспектирует с ним, однако и это не помогает. Катю направляют на строительство. «Вы, конечно, смеетесь?» — спрашивает ее ленинградка, девочка Фрося.

«Почему ты думаешь? — Глаз наметан... Такие обязательно сим-ваются».

К. Катинская. «Золотая мост». «Звезда» № 8 1945.

„Джимми Бирнс, человек с двумя тенями“

Швейцарская газета «Ди Вельтхокс», издаваемая в Цюрихе, опубликовала статью фюаджского журналиста Роберта Юнга «Джимми Бирнс, человек с двумя тенями».

Публикуя, на страницах «Литературной газеты» настоящую статью, редакция не впадает при этом в вольпусы высшей полноты, а исходит лишь из литературной красочности статьи Роберта Юнга.

КОГДА АВГУРЫ УЛЫБАЮТСЯ
Во время переговоров на Парижской конференции был момент, когда утомленные, терпящиеся в тысяче подробностей беседы были прерваны облетяющим смехом. Даже на лице у Вильянского, обычно сидевшего с неподвижной застывшей миной, появилась улыбка. Молотов только что заявил, что американцы намереваются расширить аэродром в Фодже, а это, по его словам, вряд ли указывает на скорую эвакуацию американских войск из Италии. Бирнс побоялся этого заявления и не смел сказать «да», как будто это был неестественный цветной гуттаперчатый мячик и этаким движением руки оттолкнул его обратно в напутствие, откуда он полетел. Иронически подчеркивая свои слова, он заявил: «К сожалению, я не располагаю в данный момент столь точными сведениями о деятельности наших войск в Италии, как мой уважаемый коллега Молотов. Но зато я, конечно, имею об этом достояние, в котором собраны весьма интересные, чтобы не сказать забавные, подробности о деятельности советских войск в оккупированных ими странах, предельно малые последние недели. Мы можем открыть здесь, дескать, о взаимной оккупационной деятельности, и тогда обнаружится, насколько хорошо мы действительно знаем друг друга. Взаимопонимание, как известно, является предпосылкой лю-

бого взаимопонимания. Я вижу, что мы находимся на пути к этому». Повидимому, Молотову этот язык оказался понятен. Во всяком случае, разговор о злополучном аэродроме в Фодже и других скользких деталях, которые являлись слишком хорошо известны, больше не возобновлялся. «Тут, — рассказывал эпизод из своей жизни, — что слышал из его уст историю о том, как он, тогда еще молодой студент стенограф, перепутал протоколы дружеского процесса с протоколами другого процесса, в котором речь шла о расторжении договора между двумя деловыми компаниями, что услышал историю о том, как он на пари выставил свою кандидатуру на пост судьи и был действительно избран, как он затем, будучи уже ближайшим соратником Рузвельта, уподобился русскому-Вильяну, совершил прогулку по Восточной Европе и доставил отцу-американскому армян рассказывать ему о том, какой он, Бирнс, негодяй. — Тут услышишь и увидишь перед собой подлинного Джимми Бирнса, ибо на ораторской трибуне, на пресс-конференции, за круглым столом конференции он чаще всего напускает на себя не свойственный ему вид.

Свои доводы он подкрепляет широкими жестами и оживленной жестикуляцией, но даже когда его слова попадают в цель, когда он выдвигает положения, которые в устах другого могли бы оказать глубокое, прочное впечатление на людей, его слогам все же не вполне доверяешь. Сказано он гордо, но слышится нечто, а когда он говорит этим, то трудно отказаться от предположения, что за этим все же скрывается возможность какого-то «да». Лишь там, где он пускает в ход анекдоты, ему всецело доверяешь, и действительно его эпитет носит в значительной мере более эпизодический характер, нежели характер политики дальнего прилета.

Выходя из Южной Каролины, сенатор Бирнс был для этого подходящей фигурой. Когда Рузвельт в октябре 1942 года отозвал его на Верховный суд, предостерегая его связанный с дилеммой при-поднятым пост начальнику управления экономической стабилизации, то он сделал это опять-таки в сознании того, что Джимми Бирнс с его обходительными манерами, пожалуй, удастся сгладить крупные противоречия, существовавшие между интереса-

ми частных предпринимателей и государственными военными нуждами. Наконец, в 1944 году ввиду предстоявших президентских выборов Рузвельт опять-таки доверился чужью Бирнсу и согласился на выдвину-тую им компромиссную кандидатуру Тру-мэна на пост вице-президента. Бирнс, впрочем, сам готовился стать кандидатом на этот пост. Но когда ему, по крайней мере, удалось продвинуть своего ставленника Трумэна в противовес Уоллесу, ставшему себе репутацию слишком прогрессив-ного деятеля, он, обидевшись, отошел от государственных дел. Трумэн в дальнейшем отбывал свой срок благодаря Бирнсу за его помощь. Назначение Бирнса на пост руководителя государственного департа-мента было одним из

